

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1.0-312.5

ББК Ш5(2=Р)7-33

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-160-173>

КАТЕГОРИЯ ВОЗРАСТА В ПОЭТИКЕ ДЕВИЧЬИХ РУКОПИСНЫХ РАССКАЗОВ

Наталья Владимировна Кургузова

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орел, Россия

Аннотация. Изучается категория возраста в девичьем рукописном рассказе — жанре наивной литературы, создававшимся девушками-подростками, которая выступает структурообразующим элементом поэтики. Письмо для автора становится способом осмысления собственного взросления. Возрастные маркеры (14–21 год) выполняют инициатическую функцию: каждый рубеж (15, 16, 17 лет и др.) обладает устойчивой семантикой в организации сюжета и любовной коллизии. Выявлены гендерная асимметрия в репрезентации возраста и роль дня рождения и выпускного вечера как сюжетных манифестаций перехода от детства к взрослости.

Ключевые слова: *наивная литература, девичий рукописный рассказ, поэтика, сюжетно-образование, категория художественного времени*

Для цитирования: Кургузова Н. В. Категория возраста в поэтике девичьих рукописных рассказов // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 3. С. 160–173. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-160-173>

Original article

THE CATEGORY OF AGE IN THE POETICS OF GIRLS' HANDWRITTEN STORIES

Natalia V. Kurguzova

Turgenev Orel State University, Orel, Russian Federation

Abstract. In girls' handwritten stories - a genre of naive literature that flourished among adolescent girls in Russia from the 1970s through the 1990s - the category of age functions not merely as a biographical parameter but as a structure-forming element of poetics. For the young female author, the very act of writing becomes a means of comprehending her own coming of age, and the narrative voice is invariably situated within a clearly defined age framework. Age markers, typically ranging from fourteen to twenty-one years, acquire an initiatory function: each threshold - fifteen, sixteen, seventeen years and beyond - carries stable semantics that actively shape the organisation of the plot and the development of the love conflict. These age boundaries are rarely neutral; they serve as narrative turning points that determine the heroine's social status, her degree of autonomy, and her access to romantic experience. The study reveals a pronounced gender asymmetry in the representation of age. Whereas the heroine's age is meticulously specified and endowed with symbolic significance, the hero's age remains either approximate or entirely omitted, underscoring the genre's orientation toward the girl's subjective experience of maturation. In addition to age thresholds, the poetics of the genre foregrounds two key temporal markers - the birthday and the graduation party - which function as plot manifestations of the transition from childhood to adulthood. These ritualised moments condense the conflict between generational norms and individual desire, often serving as the setting for declarations of love, farewells, or the heroine's first act of self-determination. The analysis demon-

strates that in this genre age operates not as a mere chronological characteristic but as a key instrument of initiation and the primary measure of life events. The narrative logic is subordinated to the rhythms of a maturing consciousness: time is experienced as a series of emotionally charged thresholds, and the passage from one age to another is depicted as a stage in the heroine's symbolic entry into the adult world. Thus, the category of age in girls' handwritten stories transcends its denotative function, becoming a central organisational principle of both narrative structure and the representation of self-awareness in the process of growing up.

Key words: *naive literature, girls' handwritten story, poetics, plot formation, category of artistic time*

For citation: Kurguzova, N. V. (2026). The category of age in the poetics of girls' handwritten stories. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 3, pp. 160-173. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-160-173>

Введение

История изучения девичьего рукописного любовного рассказа как жанра наивной словесности насчитывает более трех десятилетий. Первые публикации появились в 1988–1989 гг. [Борисов, 1988, 1989; Ханютин, 1989], а важным этапом стал 1992 г. [Борисов, 1992].

Исследователи расходятся в датировке происхождения жанра: первоначально его относили к 1950–1960-м гг., или послевоенному периоду [Борисов, 1992, 1993], однако существует версия его более раннего возникновения [Лойтер, 1995]. Литературный генезис жанра проследила С. И. Жаворонок, обнаружившая его связь с сентиментальной повестью, сказочной и мелодраматической традициями, а также бульварным романом [Жаворонок, 1998]. Т. А. Китанина рассмотрела сюжетный репертуар в контексте повестей 1810–1820-х гг. [Китанина, 2002].

С. Б. Борисов, предприняв структурно-типологический анализ, выявил устойчивую трехзвенную фабульную схему, характерную для 90 % текстов [Борисов, 2002; Рукописный девичий рассказ, 2004]. Проблема образной системы получила развитие в работах Н. В. Кургузовой, которой также был подробно исследован мотив болезни, выполняющий в жанре функцию испытания чувств и сюжетного катализатора [Кургузова, 2013, 2014а, 2014б]. Впоследствии был рассмотрен и мотив фотографии, наделенный в девичьих рассказах символическим значением [Кургузова, 2014с].

Жанр осмысляется как социокультурный институт, транслирующий романтические ценности [Борисов, 2001], опосредованная форма инициации [Жаворонок, 1998; Шинкаренко, 1995] и «учебник жизни» [Кулешов, 2002].

В последние годы проблематика расширяется: изучаются трансформация девичьих идеалов [Варламова, 2016], альбомная культура 1920–1930-х гг. [Головин, Лурье, 1998; Рожков, 2017], типы диалогичности [Рабенко, 2021] и образ автора [Горовая, 2022], гендерные модели [Пономарева, 2020], игровое освоение «страны-мечты» [Малая, 2017], возвращение к теории детского фольклора [Лойтер, 2020], рукописные альбомы предвоенных лет [Поздеев, 2025].

Девичий рукописный рассказ на протяжении более трех десятилетий исследуется как особая форма саморепрезентации и фиксации опыта взросления девушки-подростка. Однако, несмотря на солидную историографию, некоторые значимые аспекты поэтики жанра до сих пор остаются недостаточно разработанными. К их числу относится категория возраста, которая выступает структурообразующим элементом поэтики и тесно связана с этнокультурными представлениями о молодости и фертильности. В связи с этим обращение к функциям категории возраста представляется актуальным для понимания

механизмов возрастной идентификации, формирующихся в пространстве подростковой литературы.

Поставленные цель и задачи обуславливают использование комплекса методов, позволяющих всесторонне рассмотреть материал. Основным является структурно-типологический метод, дающий возможность определить устойчивые модели репрезентации возраста, типологию возрастных маркеров и их роль в организации повествования. Мотивный анализ применяется для исследования ключевых элементов, сопряженных с возрастной динамикой (день рождения, выпускной вечер, переезд, первое любовное переживание), их вариативности и семантической нагрузки. В работе используются элементы гендерного анализа для выявления особенностей репрезентации возраста в мужских и женских образах, а также сравнительно-сопоставительный метод, необходимый для соотнесения возрастной семантики различных этапов (14–15, 16–17, 18–21 год) и установления устойчивых закономерностей. Кроме того, применяется метод контекстуального анализа, позволяющий рассматривать возрастные маркеры в единстве с сюжетно-композиционными и стилистическими особенностями текстов.

Материалом исследования послужили 124 текста из сборника [Рукописный девичий рассказ, 2002]. Он включает три раздела: «Рассказы без трагического исхода» (30 сюжетов), «Рассказы с трагической гибелью одного героя» (15 сюжетов), «Рассказы, завершающиеся гибелью обоих героев» (26 сюжетов). Поскольку сборник не имеет сплошной нумерации, в статье принята следующая система отсылок: римская цифра обозначает раздел, арабская — номер сюжета в разделе, латинская буква — вариант сюжета.

Зафиксированные в девичьих рукописных рассказах модели возрастной динамики и представления о вступлении в любовные отношения отражают социокультурные реалии периода их активного бытования (1960–1980-е гг.). В этой связи исследование носит ретроспективный характер, позволяя реконструировать сценарии взросления, характерные для субкультуры советских девочек-подростков указанного периода, которые могут не совпадать с современными возрастными нормами и практиками.

Исследование и его результаты

Девичий рукописный рассказ представляет собой уникальное явление в пространстве современной наивной литературы (литературы наивного письма). Создаваемый девушками-подростками 12–17 лет, этот жанр фиксирует неотрефлексированный опыт взросления, свободный от большой литературы, но при этом подчиненный внутренней логике, формирующейся в самой практике письма. Писательница девичьего рукописного рассказа является и автором, и первой читательницей, проецирующей на текст собственные возрастные переживания, надежды и страхи. Эта субъектная позиция определяет тематический репертуар жанра (любовь, взросление, отношения с противоположным полом) и способы репрезентации возраста, который оказывается для автора не отвлеченной категорией, но лично переживаемой реальностью. В этом жанре повествование буквально пронизано атмосферой взросления, а сам факт достижения персонажем определенных временных и возрастных рубежей становится важнейшим сюжетообразующим фактором. В отличие от большой литературы, где возраст может быть лишь фоновой характеристикой, в девичьих рукописных рассказах хронология жизни героев служит смысловым стержнем: каждая новая возрастная веха (14, 15, 16, 17 лет) несет с собой изменение стату-

са и потенциальную возможность любовного переживания, обретения опыта, перехода на новую ступень взросления.

Любовная история, приуроченная к тому или иному возрастному рубежу, становится для героини испытанием, по результатам которого она обретает новый социальный и экзистенциальный статус. Первый поцелуй, первое признание, первые отношения — все эти события, будучи привязанными к конкретному возрасту, выполняют функцию инициатических практик, знаменующих выход из детства и приобщение к миру взрослых. С. И. Жаворонок отмечает, что главные герои девичьих рукописных рассказов — старшеклассники, выпускники, студенты, юноши и девушки в возрасте от 15 до 23 лет, чей социальный статус можно кратко охарактеризовать «влюблен впервые» [Жаворонок, 1998, с. 191]. Структура девичьего рукописного рассказа нередко строится по модели инициационного сюжета: героиня, находящаяся на пороге нового возрастного этапа, проходит через череду испытаний (разлука, ревность, непонимание), после которых обретает зрелость и новый жизненный опыт.

Обозначение возраста персонажей нередко становится частью их самопрезентации при знакомстве, маркером половозрастного статуса. Соотнесенность жизни и времени, по мысли исследователей, вполне естественна, поскольку жизнь человека «протекает во времени и подчинена его законам; как и время, жизнь человека необратима и одномерна (линейна) <...> она измеряется в единицах времени и имеет начало и конец» [Арутюнова, 1997, с. 53].

Возраст героев в девичьих рукописных рассказах варьируется от 14 до 21 года, причем четырнадцатилетие как нижняя граница фиксируется лишь единожды. Данный возрастной диапазон приходится на период юности, который традиционно осмысливается в обыденном сознании как время первого любовного чувства. Показательно, что подростки не склонны идентифицировать себя в этом возрасте с категорией детства: «*Не говори так, ты уже взрослая, тебе 16 лет*» [Рукописный девичий рассказ, 2002, 29а, с. 163]. Апелляция к возрастному цензу здесь выполняет функцию аргумента в пользу «взрослости» и, соответственно, допустимости романтических отношений.

В анализируемых текстах отчетливо прослеживается возрастной стандарт, регулирующий гендерные отношения: парень должен быть старше девушки, как правило, не менее чем на год. Данная норма последовательно воспроизводится в автобиографических описаниях знакомства и зарождения чувств: «*Было ей тогда 17, 18 парню было*» [Рукописный девичий рассказ, 2002, 8, с. 212]; «*Ему было 19, а ей — 17*» [Рукописный девичий рассказ, 2002, 1а, с. 186]. Фиксируемая разница в возрасте, по-видимому, воспринимается авторами как залог гармоничности отношений и соответствия традиционным гендерным ролям, в рамках которых мужчине отводится роль более опытного партнера.

Возраст 15 лет осмысливается в девичьих рукописных рассказах как переломный этап, маркирующий начало перехода к взрослой жизни. Данный возрастной рубеж регулярно сопрягается в нарративе с пространственным перемещением героини. Переезд в новый город выполняет функцию сюжетного пускового механизма, за которым следует зарождение любовной истории. Показательны в этом отношении автобиографические свидетельства: «*Меня зовут Аленка. Когда мы получили новую квартиру, то подруг у меня не было, и я гуляла одна. Мне было 15 лет*» [Рукописный девичий рассказ, 2002, 2б, с. 262]; «*Мне было 15 лет, когда мы приехали в этот город*» [Рукописный девичий рассказ, 2002, 3д, с. 296]. Ситуация переезда, сопряженная с утратой прежних

социальных связей (отсутствие друзей) и необходимостью выстраивания новой идентичности, создает в нарративе тот вакуум, который впоследствии заполняется любовным переживанием. Пятнадцатилетие выступает символической границей, отделяющей детство с его устоявшимся кругом общения от юности, где центральное место начинает занимать романтическое чувство.

Возраст 16 лет, как и предыдущие рубежи, также может быть сопряжен в девичьих рукописных рассказах с пространственными перемещениями героев: *«Мне было 16 лет, когда мы переехали в новую квартиру»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 2а, с. 259]. Однако главной становится не столько смена места жительства, сколько качественно новая рефлексия персонажей по поводу собственного взросления. В 16 лет подростки начинают последовательно осознавать и вербализовывать свой переход во взрослое состояние: *«Вот сейчас тебя поцелует взрослый человек, тоже 16 лет, ты хочешь этого?»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 29а, с. 163]. Показательно, что категория взрослости здесь парадоксальным образом закрепляется за шестнадцатилетними — возрастной группой, которая с позиции закона еще не является взрослой, но в субъективном измерении жанра таковой уже признается.

Любовные отношения в 16 лет далеко не всегда идентифицируются героинями именно как любовь. В ряде текстов романтическая связь между персонажами получает номинацию «дружба», что может свидетельствовать либо о неготовности подростков к полному осознанию своих чувств, либо о существующей в жанре условности, согласно которой настоящая любовь «назначается» на более поздний возраст. Ср.: *«Так они подружились: шестнадцатилетняя Алена и семнадцатилетний Сергей»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 11, с. 106]; *«Девушке шестнадцать лет. Она еще не знает, что такое настоящая любовь»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 12, с. 341]. В последнем примере эксплицитно выражена идея возрастного ценза на любовное чувство: 16 лет трактуются как период «предлюбви», время дружеских отношений, предшествующих подлинной романтике. С другой стороны, биологическая зрелость героини становится сюжетным основанием для разворачивания драматической коллизии, связанной с ранней беременностью: *«Доктор, что со мной? — Вы беременны. — Что? — Да, да. — Сколько вам лет? — 16»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 4с, с. 84]. В этом фрагменте возраст выступает ключевым смысловым элементом диалога, маркирующим разрыв между физиологической готовностью к деторождению и социально-психологической неготовностью к материнству, что создает в тексте зону трагического напряжения. Писательницы, вводящие в свои тексты столь драматические коллизии, сами находятся в возрасте, близком к возрасту их героинь.

Возраст 17 лет осмысливается в девичьих рукописных рассказах как время подлинного любовного чувства, дружба уступает место любви. Данная динамика эксплицитно зафиксирована в текстах: *«Им исполнилось 17 лет, и она узнала, что такое любовь»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 12, с. 342]; *«Это чувство оказалось более сильным в 17 лет»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 24, с. 368]. Любовь здесь представлена как качественно новое переживание, недоступное в более раннем возрасте и открывающееся героям лишь по достижении определенной возрастной отметки.

При анализе корпуса текстов обращает на себя внимание количественное преобладание семнадцатилетних юношей над девушками. Мужские персонажи этого возраста представлены в рассказах значительно шире и разнообразнее: *«Сережа, тебе уже 17 лет, неужели тебе не нравится никто из девчонок?»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 10, с. 337]; *«Он был слишком*

смуглый, мускулистый парень, ему было 17 лет, хотя выглядел на 20» [Рукописный девичий рассказ, 2002, 18, с. 126]; *«Женя был юношей лет 17»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 3, с. 200]; *«„Мне 17 лет“, — ответил Дима»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 29b, с. 178]; *«„Мне скоро 17,5 лет“, — ответил Дима»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 29a, с. 165]. Семнадцатилетие осознается героями как своеобразное совершеннолетие — возраст, дающий право на «взрослый» статус и соответствующие модели поведения: *«Тебе 17, а мне 18, и пойми, я хочу поговорить с тобой как со взрослой»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 2d, с. 272]. В данном фрагменте 17 и 18 лет противопоставлены более раннему возрасту как период, когда с человеком уже можно и нужно говорить «как со взрослым». Еще более радикальный сдвиг в статусе фиксируется в вариантах одного текста, где семнадцатилетний персонаж оказывается женатым человеком: *«А моей жене скоро будет 17 лет»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 29a, с. 165]; *«Моей жене скоро 17 лет»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 29b, с. 178]. Супружеский статус семнадцатилетней девушки окончательно закрепляет за этим возрастом функцию «входа во взрослую жизнь» через важнейший социальный институт брака.

Возраст 18 лет, представляющий собой формальное юридическое совершеннолетие, встречается в девичьих рукописных рассказах значительно реже по сравнению с предыдущими рубежами. Тем не менее он сохраняет в жанре свое символическое значение как явная и не требующая дополнительных обоснований граница взросления: *«3 дня назад ей исполнилось 18 лет, теперь она взрослая девушка»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 25, с. 146]. Данный фрагмент показателен в нескольких аспектах. Во-первых, он отражает прямую причинно-следственную связь между хронологическим событием (исполнение 18) и обретением нового социального статуса («теперь она взрослая»). Во-вторых, характерно, что эта связь не нуждается в каких-либо дополнительных доказательствах — само по себе достижение восемнадцатилетия автоматически переводит героиню в категорию взрослых девушек.

Количественное снижение частотности восемнадцатилетия в текстах по сравнению с 16 и 17 годами представляется неслучайным. Можно предположить, что для жанровой поэтики девичьего рукописного рассказа наиболее значимым оказывается переходный, пограничный возраст (14–17 лет), когда взросление еще не завершено. Восемнадцатилетие в девичьих рукописных рассказах выполняет функцию итоговой возрастной вехи, закрепляющей и легитимирующей те процессы взросления, которые разворачивались на предшествующих этапах, но само по себе оказывается на периферии жанрового внимания.

Девятнадцатилетние герои в девичьих рукописных рассказах предстают уже как «совсем взрослые» люди, чьи отношения выходят за пределы категорий дружбы или любви, маркировавших предыдущие возрастные этапы. Сюжетное пространство девятнадцатилетия определяется событиями принципиально иного порядка — браком, рождением детей и даже смертью: *«Через некоторое время они поженились. Ей было 19, ему 22»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 16, с. 352]; *«А на следующее утро волна принесла в своих объятиях тела 19-летней матери и сына»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 2a, с. 199]. Девятнадцатилетие оказывается одновременно возрастом максимальной реализации женского предназначения (материнство) и предельной хрупкости этого осуществленного бытия.

Введение столь взрослых и трагических тем в тексты, создаваемые подростками, заслуживает особого осмысления. Писательница девичьего руко-

писного рассказа, примеряя на себя роль взрослого автора, оказывается способной к созданию сюжетов, далеко выходящих за пределы ее непосредственного жизненного опыта. Это свойство наивной литературы — свобода от «жизненного правдоподобия» в пользу правдоподобия эмоционального.

Обращает на себя внимание и гендерная диспропорция в репрезентации девятнадцатилетних персонажей: мужские образы встречаются значительно чаще, чем женские. Ср.: *«Алексей заметил на висках седину, хотя ему было 19 лет»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 1b, с. 197]; *«Ему было 19 лет, а ей — 17»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 1a, с. 186]; *«Она осмотрелась по сторонам и увидела у магазина очень симпатичного юношу, ему было 19 лет»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 1a, с. 75]; *«Она стала осматриваться по сторонам и возле магазина увидела парня лет 19»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 1b, с. 77]. В логике жанрового возрастного стандарта, согласно которому парень должен быть старше девушки, девятнадцатилетние юноши оказываются партнерами для семнадцати-восемнадцатилетних героинь. Девятнадцатилетие в девичьих рукописных рассказах представляет собой возрастной рубеж, на котором завершается собственно любовная тема и разворачиваются сюжеты, связанные с созданием семьи, рождением детей. Мужские персонажи этого возраста количественно доминируют, выполняя функции возрастного ориентира для героинь.

Двадцатилетние герои встречаются в девичьих рукописных рассказах еще реже, чем девятнадцатилетние, однако событийный контекст их появления в целом сохраняет те же смысловые доминанты, что были обнаружены при анализе предыдущего возрастного рубежа. Показателен в этом отношении вопрос, обращенный к героине: *«Лена, тебе уже скоро 20 лет. Не пора ли подумать о замужестве?»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 18, с. 356]. Данный фрагмент показывает социальное ожидание, закреплённое за двадцатилетним возрастом девушки: формальное совершеннолетие (18 лет) уже позади, период романтических переживаний и познания любви (14–17 лет) также пройден, к 20 годам девушка должна вступать в брак. Двадцатилетие здесь выступает рубежом, после которого отсутствие замужества может восприниматься как отклонение от нормы.

Мужские образы в 20 лет представлены в текстах преимущественно лаконичными портретными характеристиками: *«Ему было 20 лет»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 3b, с. 283]; *«Ему было от силы 20 лет»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 3d, с. 291]. Краткость и формульность этих описаний могут свидетельствовать, что двадцатилетие для мужского персонажа воспринимается как нейтральный, немаркированный возраст, не требующий дополнительных комментариев в отличие от более ранних этапов, где возрастная характеристика часто сопрягалась с оценкой внешности или поведения.

Особого внимания заслуживает фрагмент: *«Но он был уже не тот мальчик, ему было 20 лет»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 24, с. 368]. В этом примере возрастная характеристика выполняет функцию качественного преобразования персонажа. 20 лет здесь противопоставлены более раннему возрасту как граница, за которой завершается период мальчишества и наступает качественно иная стадия взрослости. Показательно, что для обозначения этой стадии не подбирается специальный термин (не «юноша», не «молодой человек», а именно отрицание прежнего статуса: «уже не тот мальчик»). Двадцатилетие — возраст обретения новой идентичности, которая, однако, еще не получила в языке жанра устойчивого позитивного обозначения и фиксируется преимущественно через отрицание предыдущей.

Количественное снижение частотности двадцатилетних персонажей по сравнению с более молодыми может быть объяснено общей логикой жанра: девичий рукописный рассказ сфокусирован преимущественно на процессе взросления, переходных, пороговых состояниях между детством и взрослостью. К 20 годам этот процесс в основном завершается, герои обретают стабильный социальный статус (или приближаются к его обретению), и их жизненные коллизии перестают быть предметом столь пристального художественного интереса, как драматургия первого любовного чувства, становления личности и поиска себя в 14–17 лет. Двадцатилетие в девичьих рукописных рассказах предстает как периферийный для жанра возрастной рубеж, маркирующий окончательное закрепление взрослого статуса. Для женских персонажей этот возраст сопряжен с замужеством, для мужских — с завершением периода юности.

21 год представляет собой в девичьих рукописных рассказах возрастную категорию, закреплённую преимущественно за мужскими персонажами. Ключевой характеристикой данного возрастного рубежа становится появление у героя профессии или устойчивого социального статуса, что эксплицитно фиксируется в текстах: «*Виктор учился в пединституте, ему 21 год*» [Рукописный девичий рассказ, 2002, 23, с. 146]; «*Я учитель, мне 21 год*» [Рукописный девичий рассказ, 2002, 25, с. 147]. Отсутствие в проанализированных текстах женских персонажей данного возраста позволяет сделать ряд предположений. Вероятно, жанровая логика девичьего рукописного рассказа представляет героинь в этом возрасте преимущественно в контексте замужества и материнства, тогда как мужские персонажи в этом возрасте оказываются востребованы именно как носители социально-профессиональных характеристик.

В одном из сюжетов девичьих рукописных рассказов под названием «Марийка» [Рукописный девичий рассказ, 2002, II, 1а, 1б] фиксируются упоминания возрастных категорий, выходящих за пределы основного хронологического диапазона девичьих рукописных рассказов, — 25, 26 и 40 лет. Появление этих возрастных маркеров в тексте выполняет особую сюжетно-композиционную функцию: они указывают на временную дистанцию, отделяющую настоящее повествование от события смерти героини, и тем самым организуют перспективу воспоминания и посмертного присутствия. В одном варианте текста встречаем: «*К могиле подошел мужчина лет 26*» [Рукописный девичий рассказ, 2002, 1а, с. 192]; в другом варианте тот же сюжетный ход реализован иначе: «*К могиле подошел мужчина 25 лет*» [Рукописный девичий рассказ, 2002, 1б, с. 197]. Сама по себе вариантность (26/25 лет) показывает, что для жанровой логики значим не столько точный возраст, сколько сам факт принадлежности персонажа к возрастной группе, уже далекой от юности. Еще более выразителен в этом отношении фрагмент: «*На могилу пришел Сергей с семьей <...> Сергею без году 40 лет*» [Рукописный девичий рассказ, 2002, 1б, с. 198]. Возраст живых героев становится свидетельством неостановимого течения жизни, которая продолжается вопреки смерти. Все старшие возрастные маркеры в сюжете «Марийка» прикреплены исключительно к мужским персонажам. Женские образы в этих возрастных категориях отсутствуют, они, по-видимому, «не задерживаются» в жанровом поле старше определенного возраста.

Говоря о возрасте героев и его переживании, невозможно обойти вниманием такие важные жизненные вехи и временные маркеры повествования, как день рождения и выпускной вечер. Эти события, тесно связанные с возрастной динамикой, выполняют в структуре девичьих рукописных рассказов роль

сюжетообразующих узлов, в которых возрастной статус героев подвергается проверке, подтверждению или трагическому отрицанию.

День рождения представляет собой один из наиболее значимых праздников в жизни персонажей девичьих рукописных рассказов. Для придания повествованию большей реалистичности в текстах нередко указывается точная дата праздника: *«Десятого мая у меня был день рождения»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 3а, с. 282]; *«Наступило 14 мая — день моего рождения»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 3б, с. 286]; *«Наступило 14 мая — день моего рождения, были приглашены все мои знакомые»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 3г, с. 299]. Введение конкретной календарной даты усиливает эффект достоверности и одновременно прикрепляет событие взросления к реальному времени, делая его не отвлеченным хронологическим фактом, а лично пережитой датой.

Сюжетная схема, связанная с этим событием, обнаруживает устойчивую повторяемость: собирается большая компания, происходит празднование, однако при различных обстоятельствах главные героини остаются наедине, и именно в это время между ними происходит поцелуй или вступление в интимную близость. *«Отметили день рождения Ирины. Оно прошло весело. Когда все разошлись, в комнате остались Ирина и Саша. Он целовал ее, прижимал к себе и говорил: „Милая моя, я люблю тебя“, а сам медленно снимал с нее кофточку. „Что ты делаешь?“ — спросила Ира. Он снова начал ласкать ее и снял все, что на ней было. Он прижал ее к себе, взял на руки и положил на кровать»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 6с, с. 318]; *«Наконец настал долгожданный день — день рождения, Оле исполнилось 16 лет. Вечером она встретила Сергея, он поздравил ее и протянул коробку с позолоченными часами. В этот вечер они долго гуляли. Подходя к Олиному дому, Сергей нежно поцеловал ее в губы»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 3, с. 201]. День рождения осознается в жанровом мире девичьего рассказа как доказательство взрослости героев и обоснование их права на вступление в любовные отношения. Сам факт достижения нового возраста становится достаточным основанием для того, чтобы отношения могли перейти на следующую стадию — от дружеских к романтическим или от романтических к физической близости.

Выпускной вечер предстает в девичьих рукописных рассказах как событие, обладающее максимальной смысловой нагрузкой. Выпускной класс, выпускной вечер, к которому часто приурочено действие исследуемых текстов, — *«ритуал, маркирующий переход его объекта в новое возрастное и социальное состояние»* [Ахметова, 2009, с. 229]. Это, пожалуй, самое важное событие в жизни молодых девушек и парней, что эксплицитно проговаривается в тексте: *«Выпускной бал — это прекрасное событие в жизни, всегда грустно и радостно: грустно расставаться со школьной учебой, радостно вступить в самостоятельную жизнь»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 15, с. 116]. В рассказах без трагического исхода это праздник прощания со школой и вступления в новую взрослую жизнь. В рассказах же с трагической гибелью одного или обоих героев выпускной вечер становится местом драматических событий. Для текстов с трагическим финалом характерна ситуация отсутствия одного из героев на выпускном, причем причина отсутствия — смерть: *«Прошел месяц после смерти Эдика. На выпускном вечере все танцевали. Валя закончила школу с золотой медалью. Она стояла одна у окна»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 1д, с. 252]; *«Вот сегодня выпускной, а его нет со мной»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 2б, с. 266]. В этих фрагментах выпускной вечер, призванный знаменовать начало новой жизни, парадоксальным обра-

зом фиксирует невосполнимость утраты: праздник, на котором «все танцуют», лишь оттеняет одиночество героини, чей возлюбленный уже не разделит с ней этот момент.

Наиболее драматическое воплощение мотив выпускного получает в сюжетах, где сам вечер заканчивается смертью влюбленных: *«Это выпускной бал. Вечером, как обычно, Виктор зашел за Лилькой. Она в своем пышном белом платье казалась как никогда красивой. Они вместе вышли из дома и пошли по улице, все прохожие с улыбкой поглядывали на них. <...> Оглянувшись, он увидел, что сзади него стоит несколько парней. Среди них Лилька увидела Славку. Славка уже давно бегал за ней. <...> Пройдя несколько шагов, Виктор остановился, а затем упал на спину... — Люди, за что вы так жестоко? — Лилька громко плакала. Ее белое платье было в крови. <...> Лилька подошла к качелям, взяла стекло и разрежала себе вены. Кровь хлынула из вен»* [Рукописный девичий рассказ, 2002, 20, с. 362–363]. В этом развернутом фрагменте выпускной бал оборачивается своей противоположностью: праздничное белое платье оказывается обгаренным кровью, начало взрослой жизни — ее финалом.

Заключение

Категория возраста в девичьем рукописном рассказе выполняет структурообразующую функцию, организуя сюжет, систему персонажей и ценностную иерархию жанра. Возрастные маркеры задают темпоральную логику повествования, легитимируют любовное переживание и определяют социальный статус героев.

Возрастная семантика, закреплённая за каждым рубежом (15 лет — пространственное перемещение, 16 лет — рефлексия по поводу взрослости, 17 лет — «настоящая любовь», 18–21 год — брак, материнство, профессия), воспроизводится в десятках текстов и свидетельствует о существовании в девичьей субкультуре «возрастного канона» образной и сюжетной структур. Жизненное время персонажей предельно сжато и сконцентрировано: оно охватывает узкий коридор от 14 до 21 года, причём подавляющее большинство событий укладывается в ещё более короткий отрезок (15–17 лет). За его пределами герои либо ещё не обрели романтической субъектности, либо уже исчезают из повествовательного поля. Такое сужение времени придаёт повествованию характер переходного ритуала: героиня находится в пороговом состоянии между детством и взрослостью, и вся сюжетная динамика подчинена задаче пройти это состояние, обретя новый статус.

Мужские персонажи имеют право на старение, сохраняя романтическую субъектность даже за пределами основного возрастного коридора (19–21 год и старше), тогда как женские образы исчезают из жанрового поля по достижении определённого возраста. Эта диспропорция отражает усвоенные авторами-подростками культурные стереотипы о гендерно-возрастных ролях, в которых женская ценность оказывается привязана к молодости и фертильности, а мужская — допускает временную протяжённость.

Проведенный анализ позволяет рассматривать девичий рукописный рассказ не как универсальный «учебник жизни», а как уникальный историко-культурный документ, фиксирующий сценарии взросления, характерные для советских девочек-подростков 1960–1980-х гг. Категория возраста в этих текстах выступает маркером социальных ожиданий ушедшей эпохи, где любовь, брак и материнство были жестко привязаны к хронологическим рамкам. Указанная нормативность эксплицируется в ряде устойчивых сюжетных

установок — в ранней идеализации брака, жесткой привязке переживания «настоящей любви» к возрасту 17 лет, а также в осуждении отсутствия замужества по достижении двадцатилетия.

Список источников

Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 51–61. EDN: YKDLDD.

Ахметова М. В. «Расстаемся с детством, в школе выпускной...» (выпускные тексты в постсоветской школе) // Актуальные проблемы современной фольклористики и изучения классического наследия русской литературы: сб. науч. ст. памяти проф. Е. А. Костюхина (1938–2006). СПб.: САГА, 2009. С. 220–232.

Борисов С. Б. Девичий рукописный любовный рассказ в контексте школьной фольклорной культуры // Школьный быт и фольклор. Ч. 2: Девичья культура / сост. А. Ф. Белоусов. Таллин: Таллинский пед. ин-т, 1992. С. 67–119.

Борисов С. Б. Латентные феномены культуры (опыт социологического исследования личных документов девушек): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1993. 18 с. EDN: ZKLIKР.

Борисов С. Б. Любовный рассказ в ансамбле девичьего альбома // Рукописный девичий рассказ / сост. С. Б. Борисов. М.: ОГИ, 2002. С. 19–48. EDN: YOKHNT.

Борисов С. Б. Мир русского девичества: 70–90 годы XX века. М.: Ладомир, 2001. 346 с.

Борисов С. Б. Эротические тексты как источник сексуального самообразования // Социол. исследования. 1989. № 1. С. 81–84. EDN: ZSSVVB.

Борисов С. Б. «Юности чистое зеркало»: автор заметки открыл феномен рукописного девичьего любовного рассказа // Молодой ленинец. 1988. 5 окт.

Варламова К. И. Девичьи идеалы в альбомном формате // Ребёнок в языковом и образовательном пространстве: сб. материалов межвуз. web-конф., Елец, 28 апреля 2016 г. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2016. С. 268–270. EDN: VYOFGD.

Головин В. В., Лурье В. Ф. Девичий альбом XX века // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. М.: Ладомир, АСТ, 1998. С. 269–363. EDN: MWKKGU.

Горовая Я. О. Образ автора в жанре девичьего альбома // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 404–407. EDN: VSRVPJ. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-6974-407>

Жаворонок С. И. Предисловие // Девичьи любовные рукописные рассказы / публ. С. Б. Борисова и С. И. Жаворонок // Русский школьный фольклор / сост. А. Ф. Белоусов. М.: Ладомир, АСТ, 1998. С. 185–194.

Китанина Т. А. Сюжетные традиции девичьего рукописного рассказа // Рукописный девичий рассказ / сост. С. Б. Борисов. М.: ОГИ, 2002. С. 504–519. EDN: XQJAQN.

Кулешов Е. В. Предисловие // Рукописный девичий рассказ / сост. С. Б. Борисов. М.: ОГИ, 2002. С. 10–19.

Кургузова Н. В. Мотив болезни в девичьих рукописных рассказах // Вестн. Брянского гос. ун-та. 2014а. № 2. С. 254–258. EDN: TUBSPB.

Кургузова Н. В. Специфика женского образа девичьего рукописного рассказа // Фольклор XXI века: герои нашего времени: сб. ст. / сост. М. Д. Алексеевский. М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2013. С. 108–122.

Кургузова Н. В. Специфика мужского образа девичьего рукописного рассказа // Мировая классика и молодежная культура: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2014б. С. 172–178. EDN: TNHZN.

Кургузова Н. В. «Фото моё никому не показывай...» (фотография в девичьем рукописном рассказе) // Традиционная культура. 2014с. № 1. С. 145–150. EDN: SBDRYB.

Лойтер С. М. Возвращаясь к некоторым вопросам теории детского фольклора // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов междунар. конф. Вып. 18 : Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России. М.; Ульяновск: ГРДНТ им. В. Д. Поленова, Центр народной культуры Ульяновской области, 2020. С. 18–28. EDN: YOUWOA. <https://doi.org/10.24411/9999-054A-2020-10001>

Лойтер С. М. Современный школьный фольклор. Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. 116 с.

Малая Е. К. Элементы игры в страну-мечту в наивной фантастической литературе подростка: опыт самоописания // Вестн. РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 12 (33). С. 130–138. EDN: YVIKIR.

Поздеев В. А. Рукописный альбом-песенник студентки предвоенных советских лет // Пространства памяти : сб. материалов и исследований памяти А. Н. Власова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2025. С. 194–204. EDN: OQAINC.

Пономарева Е. Н. Гендерные модели поведения в контексте рукописного девичьего альбома // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов междунар. конф. Вып. 18 : Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России. М.; Ульяновск: ГРДНТ им. В. Д. Поленова, Центр народной культуры Ульяновской области, 2020. С. 269–279. EDN: ENRKTO. <https://doi.org/10.24411/9999-054A-2020-10022>

Рабенко Т. Г. Типы диалогичности в жанровой структуре девичьего альбома // Культура и текст. 2021. № 1 (44). С. 262–275. EDN: ESAYYH. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-262-275>

Рожков А. Ю. Альбомная культура школьников в 1920–1930-е годы: традиции и новации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 6/2. С. 121–125. EDN: HRVBVS. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-121-125>

Рукописный девичий рассказ / сост., вступ. ст. С. Б. Борисов. М.: ОГИ, 2002. 520 с.

Рукописный девичий рассказ / сост., вступ. ст. С. Б. Борисов. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. 510 с.

Ханютин А. Школьный рукописный альбом-песенник: новый успех старого жанра // Массовый успех. М.: Тип. Мин-ва культуры СССР, 1989. С. 193–209.

Шинкаренко Ю. Рукописные рассказы о любви // Уральский следопыт. 1995. № 12. С. 25–34.

References

Akhmetova, M. V. (2009). "Saying Goodbye to Childhood, It's Our School Graduation..." (graduation texts in the post-Soviet school). *Current problems of modern folkloristics and the study of the classical heritage of Russian literature*. Collection of scientific articles in memory of Professor E. A. Kostyukhin (1938-2006). St. Petersburg, SAGA, pp. 220-232. (In Russian).

Arutyunova, N. D. (1997). Time: models and metaphors. *Logical analysis of language. Language and time*. Moscow, Indrik, pp. 51-61. (In Russian). EDN: YKDLDD.

Borisov, S. B. (1988). "A Pure Mirror of Youth": the author of the note discovered the phenomenon of the handwritten girl's love story. *Young Leninist*, October 5. (In Russian).

Borisov, S. B. (1989). Erotic texts as a source of sexual self-education. *Sociological Studies*, no. 1, pp. 81-84. (In Russian). EDN: ZSSVVB.

Borisov, S. B. (1992). Girls' handwritten love story in the context of school folklore culture. *School life and folklore. Part 2: Girls' culture*. Tallinn, Tallinn Pedagogical Institute, pp. 67-119. (In Russian).

Borisov, S. B. (1993). *Latent phenomena of culture (experience of sociological research of girls' personal documents)*. Abstract of the PhD thesis. Yekaterinburg, 18 p. (In Russian). EDN: ZKLIKP.

Borisov, S. B. (2001). *The world of Russian girlhood: 70-90s of the 20th century*. Moscow, Ladomir, 346 p. (In Russian).

Borisov, S. B., comp. (2002). *Handwritten girls' story*. Moscow, United Humanitarian Publishers, 520 p. (In Russian).

Borisov, S. B. (2002). Love story in the ensemble of a girl's album. *Handwritten girls' story*. Moscow, United Humanitarian Publishers, pp. 19-48. (In Russian). EDN: YOKHHT.

Borisov, S. B., comp. (2004). *Handwritten girls' story*. 2nd ed. Moscow, United Humanitarian Publishers, 510 p. (In Russian).

Golovin, V. V. and Lurie, V.F. (1998). Girl's album of the 20th century. *Russian school folklore. From "summoning" the Queen of Spades to family stories*. Moscow, Ladoimir; AST, pp. 269-363. (In Russian). EDN: MWKKGU.

Gorovaya, Ya. O. (2022). The image of the author in the genre of a girl's album. *World of Science, Culture, Education*, no. 6, pp. 404-407. (In Russian). EDN: VSRVPJ. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-697-404-407>

Khanyutin, A. (1989). The handwritten school songbook: a new success for an old genre. *Mass success*. Moscow, Printing House of the USSR Ministry of Culture, pp. 193-209. (In Russian).

Kitanina, T. A. (2002). Plot traditions of the girls' handwritten story. *Handwritten girls' story*. Moscow, United Humanitarian Publishers, pp. 504-519. (In Russian). EDN: XQJAH.

Kuleshov, E. V. (2002). Preface. *Handwritten girls' story*. Moscow, United Humanitarian Publishers, pp. 10-19. (In Russian).

Kurguzova, N. V. (2013). Specificity of the female image in the girls' handwritten story. *Folklore of the 21st century: heroes of our time*. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore, pp. 108-122. (In Russian).

Kurguzova, N. V. (2014a). The motif of illness in girls' handwritten stories. *Bulletin of Bryansk State University*, no. 2, pp. 254-258. (In Russian). EDN: TUBSPB.

Kurguzova, N. V. (2014b). Specificity of the male image in the girls' handwritten story. *World classics and youth culture*. Proceedings. Yoshkar-Ola, Mari State University, pp. 172-178. (In Russian). EDN: TNHZN.

Kurguzova, N. V. (2014c). "Don't Show My Photo to Anyone..." (photography in a girls' handwritten story). *Traditional Culture*, no. 1, pp. 145-150. (In Russian). EDN: SBDRYB.

Loyter, S. M. (1995). *Modern school folklore*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 116 p. (In Russian).

Loyter, S. M. (2020). Returning to some questions of the theory of children's folklore. *Slavic traditional culture and the modern world. Issue 18: Children's culture and folklore in the socio-cultural space of Russia*. Moscow, Ulyanovsk, Polenov State Russian House of Folk Art; Ulyanovsk Regional Center of Folk Culture, pp. 18-28. (In Russian). EDN: YOUWOA. <https://doi.org/10.24411/9999-054A-2020-10001>

Malaya, E. K. (2017). Elements of play in the dreamland in naive fantastic literature of a teenager: an experience of self-description. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, no. 12, pp. 130-138. (In Russian). EDN: YVIKIR.

Ponomareva, E. N. (2020). Gender models of behavior in the context of a handwritten girl's album. *Slavic traditional culture and the modern world. Issue 18: Children's culture and folklore in the socio-cultural space of Russia*. Moscow, Ulyanovsk, Polenov State Russian House of Folk Art; Ulyanovsk Regional Center of Folk Culture, pp. 269-279. (In Russian). EDN: ENRKTO. <https://doi.org/10.24411/9999-054A-2020-10022>

Pozdeev, V. A. (2025). Handwritten song album of a female student from the pre-war Soviet years. *Spaces of memory*. Collection of materials and research in memory of A. N. Vlasov. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Press, pp. 194-204. (In Russian). EDN: OQAIHC.

Rabenko, T. G. (2021). Types of dialogicity in the genre structure of a girl's album. *Culture and Text*, no. 1, pp. 262-275. (In Russian). EDN: ESAYYH. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-262-275>

Rozhkov, A. Yu. (2017). Album culture of schoolchildren in the 1920s-1930s: traditions and innovations. *Historical and Socio-Educational Thought*, vol. 9, no. 6/2, pp. 121-125. (In Russian). EDN: HRVBVS. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-121-125>

Shinkarenko, Yu. (1995). Handwritten love stories. *Ural Pathfinder*, no. 12, pp. 25-34. (In Russian).

Varlamova, K. I. (2016). Girls' ideals in album format. *Child in language and educational space*. Proceedings of the Interuniversity Web-Conference, Yelets, April 28, 2016. Yelets, Bunin Yelets State University, pp. 268-270. (In Russian). EDN: VYOFCD.

Zhavoronok, S. I. (1998). Preface. *Girls' love handwritten stories. Russian school folklore*. Moscow, Ladomir, AST, pp. 185-194. (In Russian).

Сведения об авторе

Кургузова Наталия Владимировна — канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XI–XIX веков, marusia_nv@mail.ru

Information about the Author

Natalia V. Kurguzova — Ph.D. in Philology, associate professor of the Department of History of Russian Literature of the 11th-19th Centuries, marusia_nv@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.03.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 24.03.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 19.06.2026.